

от воспевания узких, эгоистических, интимных переживаний и спуститься к действительной, общественной жизни, где оно найдет высокие драмы более глубокие и более волнующие, чем те, которые заключены в груди «художника — насекомого». Художник волен дать любую оценку описываемым им жизненным явлениям. При этом мы будем знать, что имеем дело с *человеком*, пусть с человеком, тенденции и взгляды которого нам не нравятся, но, по крайней мере, с человеком, а не с насекомым, и будем признательны ему уже за то, что он обратил наше внимание на один из фактов общественной жизни»¹. Подобную аргументацию мы находим и у Белинского в его рассуждениях о том, что поэт не имеет права замыкаться в своем «я», а должен отражать дыхание окружающей его жизни.

Что касается Гарабета Ибраэилян, то, думается, можно говорить о близости к некоторым положениям Белинского его утверждения о воспроизведении в искусстве жизни, действительности и об обязательном наличии в образе субъективной оценки писателя. В статье «Нравственность в искусстве» он писал: «... мы не можем отказаться и никогда не откажемся от нашего права судить произведение с точки зрения отношений, позиций и тенденций его автора. Не откажемся спрашивая наряду с тем, *как воспроизводит он мир*, и о том, *как он его оценивает* потому что он его обязательно оценивает, желая того или не желая»².

В статье «Художники-борцы» Ибраэилян возвращается к тем же мыслям, используя выражения, характерные для Белинского и встречающиеся и у Гери: «Художник, *вольно или невольно*, не может не выразить свои вкусы, симпатии и антипатии»³.

В разрешении вопроса о воспроизведении в искусстве действительности Ибраэилян, как и Белинский, прибегает к сравнению между искусством и наукой. Анализируя его статью «Литературные вопросы», («Probleme literare»), появившуюся в 1906 году, Ал. Дима следующим образом излагает соответствующую мысль критика: «В то время, как наука *объясняет мир и оперирует понятиями*, которые извлекают «суть» из образов, искусство *творит и оперирует образами*»⁴.

Возможно, что Ибраэилян использовал некоторые идеи Белинского и в вопросе о национальной самобытности литературы. Так или иначе, их позиции в этом плане очень близки. В статье «Писатели и течения», утверждая национальную специфику румынской литературы, как и литератур других народов, Ибраэилян, между прочим, писал о том, что «если литература — это *хранилище духа народа*, зеркало его души, если художники — это *по преимуществу* представители духа народа»⁵, то и румынская литература должна отразить своеобразные черты румынского народа. Ниже, возражая тем, кто выступает против «национальной специфики», Ибраэилян аргументирует свое положение подробнее, утверждая, что румынская литература также должна нести

¹ IONESCU RAICU RION, *Scriseri literare*, Iași, 1895.

² G. IBRAÏLEANU, *Pagini alese*, vol. I, стр. 138.

³ Там же, стр. 123.

⁴ L. DIMA, *Conceptiile despre artă și literatură ale lui G. Ibrăileanu*, E.S.P.L.A., 1954, p. 84.

⁵ G. IBRAÏLEANU, *Pagini alese*, стр. 122.